

ЭДГАР АЛЛАН ПО

УБИЙСТВО НА
УЛИЦЕ МОРГ

Аннотация

Полиция Парижа в недоумении: кому понадобилось жестокое убийство на улице Морг? На помощь приходит сам Огюст Дюпен, чей невероятный нюх хорошо известен стражам порядка.

Автор также знаменит благодаря произведениям «Спуск в Мальитрем», «Падение дома Эшер», «Свидание», «Тень», «Четыре зверя в одном», «Остров феи», «Поместье Арнгейм» и «Золотой жук».

Эдгара Аллана По считают одним из самых ярких представителей американского романтизма. Создатель современной формы мистического детектива, он завоевал признание читателей готической атмосферностью и психологизмом своих произведений.

Эдгар Аллан По Двойное убийство в улице Морг

Аналитические способности человека сами по себе весьма мало подходят под анализ. Мы ценим их только по их выводами. Мы знаем о них только то, что они доставляют человеку громадный источник самых истинных наслаждений. Сильный человек наслаждается своей физической мощью, любит упражнения, в которых играют роль его мускулы, а аналитик предпочитает мозговую деятельность, дающую ему возможность исследования. Ему доставляют удовольствие даже самые обыкновенные случаи, представляющие возможность применить свои способности, даже загадки, ребусы, иероглифы.

Способность разгадывания или расследования зависит много от математических знаний, но высшую математику называют несправедливо анализом, потому что не всякий расчет можно назвать этим именем. Игрок в шашки, например, очень удачно рассчитывает, не прибегая к анализу.

Оставляя в стороне абстракции, обратимся к примеру и возьмем игру в шашки, когда действуют только четыре дамки, и, следовательно, нельзя предполагать недостатка внимания. Очевидно, что победа может остаться только на стороне того, — мы берем противников равных, — чья тактика ловчее или у кого сильнее мышление. За недостатком обыкновенных средств, аналитик анатомирует мысли своего противника и часто внезапно находит единственное средство — иногда до глупости простое — втянуть его в ошибку или неверный расчет.

Вист давно приводится в пример игры, действующей на способности расчета; люди весьма высокого развития находят в этой игре невыразимое удовольствие и считают игру в шахматы игрой пустой. Действительно, вист более других игр заставляет работать аналитические способности. Хороший игрок в шахматы только и может быть хорошим шахматным игроком; игрок, искусный в висте, выиграет во всем, где мысль борется против другой мысли.

Способность к анализу не следует смешивать с обыкновенными умственными способностями, хотя аналитик непременно должен быть умным человеком, но умный человек бывает совершенно лишен способности к анализу.

В подтверждение этой мысли привожу следующий рассказ.

Я жил в Париже всю весну и часть лета 18.. г., и там я познакомился с неким Огюстом Дюпенем. Этот молодой человек, из хорошей и даже знаменитой фамилии, вследствие разных несчастных обстоятельств был доведен до такой бедности, что перестал показываться в свет и даже не пытался восстановить свое положение. Благодаря снисходительности кредиторов, у него оставалась, однако, часть его наследственного имени и доходами с него он мог, хотя очень скудно, удовлетворять главным потребностям жизни. Его единственной роскошью были книги, а в Париже они приобретаются легко.

Наше первое знакомство началось в маленьком, неизвестном кабинете для чтения в улице Монмартр. Первым поводом к нему послужило то, что мы искали одну и ту же книгу, очень замечательную и очень редкую; этот случай сблизил нас. Мы виделись все чаще и чаще. Я был глубоко заинтересован его семейной историей, которую он мне подробно рассказал с скромностью и непринужденностью, свойственными французу, когда он говорит о своих собственных делах.

Я был чрезвычайно удивлен обширностью всего прочитанного им и восхищался в особенности странной пылкостью и возбуждающей свежестью его воображения. Отыскивая в Париже некоторые предметы, необходимые мне для изучения, я увидел, что общество подобного человека будет для меня неоцененным, и с тех пор искренно привязался к нему. Мы решили, наконец, жить вместе, и так как мои дела не были так расстроены, как его, то я и взял на себя наем и меблировку дома, подходящего к нашим причудливым, меланхолическим характерам. Я нанял старый, странный домик, в котором не жил никто вследствие каких-то предрассудков, для нас, конечно, не имевших смысла, — в самой отдаленной и пустой части сен-жерменского предместья.

Если бы наш образ жизни стал известен, нас сочли бы за помешанных. Уединение наше было полное, к нам не ходил никто из знакомых. Место нашего жительства никому не было известно, потому что мы тщательно хранили его в тайне, и жили с глазу на глаз.

У друга моего были некоторые странности, например, он любил ночь из любви к ночи, — ночь была его страстью. Я сам мало-помалу вошел во вкус этой странности, как и во многие другие, ему свойственные. Так как мрак не мог быть постоянным, то мы производили искусственную ночь. Мы закрывали плотно ставни, зажигали лампы, ароматические свечи и занимались или беседовали до тех пор, пока часы не давали знать, что действительная ночь наступила. Тогда мы отправлялись на улицу и, гуляя под-руку до рассвета, продолжали наши беседы.

Поселившись вместе с Дюпенем, я не мог не заметить и не восхищаться его аналитическими способностями. Он находил истинное наслаждение применять к делу свою способность и признавался, какое удовольствие это ему доставляет. Он с улыбкою говаривал мне, что у многих людей для него открыто окошко в том месте, где у них сердце. Свои слова он обыкновенно сопровождал немедленными доказательствами, поражая меня доводами глубокого знания моей собственной особы.

В такие моменты манеры его были холодны, и он казался рассеянным; взор смотрел куда-то в даль, а голос, — обыкновенно густой тенор, — возвышался до фальцета. Я наблюдал за ним в такие минуты и думал о двойной душе — старой философии...

Раз вечером мы шли по длинной, грязной улице, недалеко от Пале-Рояля. Оба мы, по-видимому, углубились в свои собственные мысли и с четверть часа не проронили ни словечка. Вдруг Дюпен проговорил следующее:

— Действительно, он слишком мал ростом и был бы более у места в театре Варьете.

— Это не подлежит сомнению, — отвечал я, не думая и не замечая сначала, что товарищ мой вслух продолжал мою мысль. Через минуту я опомнился.

— Дюпен, — серьезно сказал я, — это выше моего понимания. Признаюсь, что я поражен и едва верю своим ушам. Как могло случиться, что вы угадали, что я думаю о...

Я остановился, чтобы убедиться, что он точно угадал, о ком я думал.

— О Шантильи, — сказал он; — зачем остановились? Вы мысленно замечали, что он по своему маленькому росту не годится для трагедии.

Я, действительно, об этом думал. Шантильи был когда-то башмачником в улице Сен-Дени и, страстно любя театр, принял роль Ксеркса в трагедии Кребильона; претензии его были выше средств, и над ним потешались.

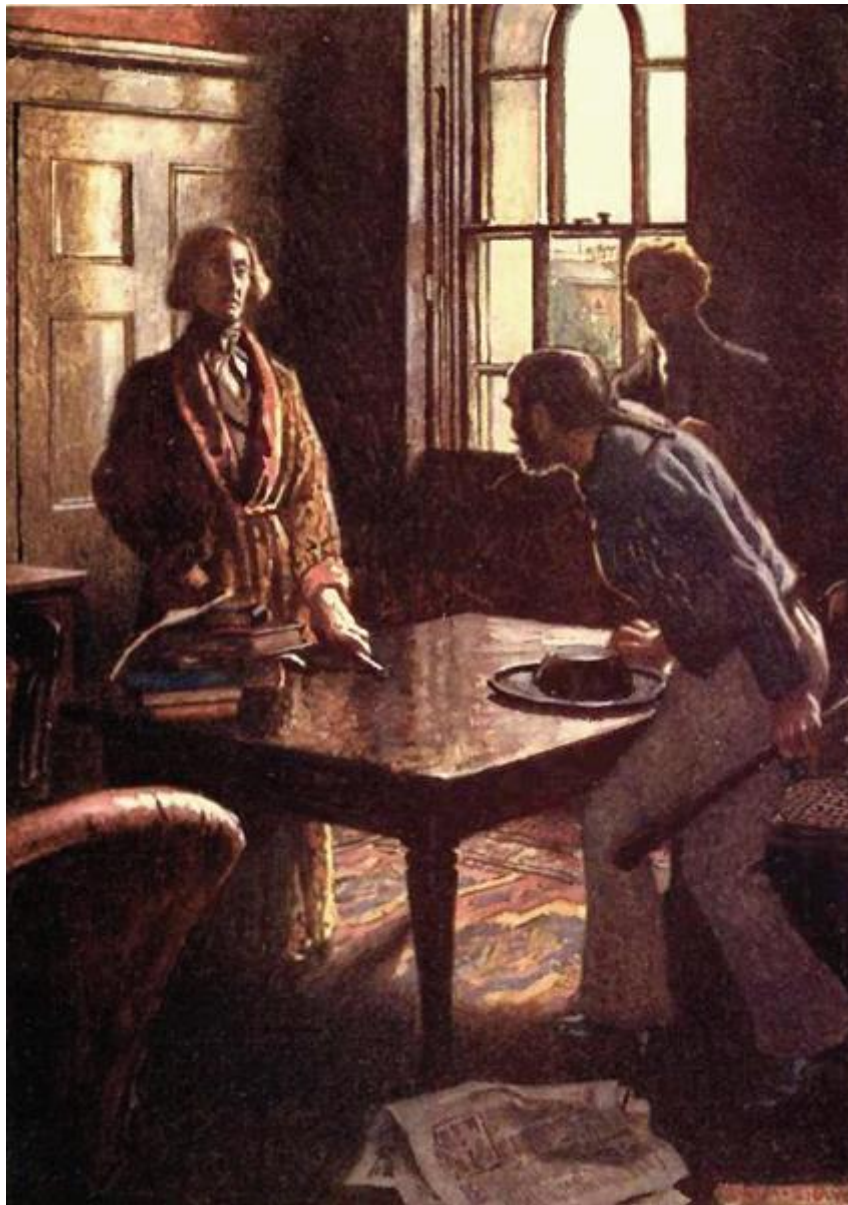
— Скажите мне, ради Бога, метод, — если только он у вас есть, — как вы проникли в мою душу в настоящем случае?

Действительно, я был более удивлен, чем мог выразить.

— Вас, — отвечал мой друг, — довел до заключения, что чеботарь не годится по фигуре для роли Ксеркса и вообще для ролей этого рода, зеленщик.

— Зеленщик? Вы удивляете меня! Я не знаю никакого зеленщика.

— Человек, который натолкнулся на вас, когда мы входили в эту улицу, может быть, с четверть часа тому назад.

Тут я вспомнил действительно, что зеленщик с огромной корзиной на голове чуть не сбил меня с ног, когда мы входили в ту улицу, по которой теперь шли. Но какое отношение имело это с Шантильи? Я не мог никак сообразить.

В друге моем Дюпене не было и тени шарлатанства.

— Я вам объясню это, — сказал он, — а чтобы вы легче поняли, мы проследим всю нить размышлений ваших от настоящей минуты до встречи вашей с зеленщиком. Главные звенья вашей цепи следуют друг за другом так: Шантильи, Орион, доктор Никольс, Эпикур, стереотомия, мостовая, зеленщик.

Очень немногим случается проследивать обратный ход своих мыслей и доискиваться, каким путем мысль их дошла до известного вывода. Часто занятие это представляет интерес, и человек, делающий пробу в первый раз, удивляется несвязности и громадному, по-видимому, расстоянию от точки отправления до точки вывода.

Судите же о моем удивлении, когда я услышал объяснения француза и должен был сознаться, что он сказал сущую правду.

Он продолжал:

— Если не ошибаюсь, мы говорили о лошадях, когда входили в эту улицу. Это было последней темой нашего разговора. Когда мы вошли в улицу, зеленщик с громадной корзиной на голове быстро прошел мимо нас и столкнул вас на грудь камней, приготовленных для исправления мостовой. Вы ступили на один из качающихся камней, оступились, ушибли ногу и рассердились. Вы проворчали что-то, потом обернулись, чтобы взглянуть на грудь, потом молча пошли далее. Я не вполне внимательно наблюдал за вами, но для меня наблюдательное положение давно уже сделалось необходимостью.

— Взор ваш был устремлен на мостовую, и вы с досадой смотрели на ямы и неровности ее (так что я видел, что вы все еще думаете о камнях) до тех пор, пока мы не дошли до маленького прохода под названием пассажа Ламартина, где делается проба деревянной мостовой по системе гладких брусьев, твердо скрепленных между собою. Тут выражение лица вашего прояснилось, я видел, как губы ваши зашевелились, и я тотчас же догадался, что вы шепчете слово стереотомия — термин, которым называют эту мостовую. Я